

— Это ещё что? — Линь Цзунцзе вернулся в класс как раз к началу дневных занятий. Хань Линя на месте не было, зато на парте красовался синий ланч-бокс с Дораэмоном.

Сун Чэн сокрушённо обернулся и виновато развёл руками:

— Президент, учебный староста в обед даже не притронулся к тому, что вы ему купили.

— Не притронулся? Это ещё почему? Он что, голодным остался?

— Да нет, поел. Сам сходил на улицу и взял тарелку лапши даосьяомянь.

Линь Цзунцзе не придавал этому особого значения. Он лениво уселся на стул и бросил:

— Значит, завтра купишь ему эту самую лапшу.

— Да нет, Президент, тут другое. Учебный староста просил вам кое-что передать.

— Говори.

— Он сказал... чтобы вы... чтобы...

Линь Цзунцзе почуял неладное. Он вскинул голову и прищурился:

— Зубы лишние появились? Помочь проредить, чтоб не застревало?

— Нет-нет-нет! — Сун Чэн замотал головой. — Учебный староста сказал, чтобы вы забрали эту стряпню и скормили своим четырём бывшим!

—...

— Президент... у вас и правда было аж четыре девушки?

Линь Цзунцзе швырнул коробку на стол, скрестил руки на груди и вкрадчиво улыбнулся:

— Хочешь познакомиться?

— Никак нет!

Сун Чэн мгновенно отвернулся. Дрожа, он уткнулся в тетрадь и лихорадочно принялся решать

тригонометрические уравнения.

Минут через десять в класс вошёл Хань Линь. Он даже не взглянул на Линь Цзунцзе, но, запустив руку в парту, наткнулся на посторонний предмет. Он напрягся, а затем извлёк на свет изящную, явно дорогую подарочную коробку со стальной ручкой.

Хань Линь машинально прочитал про себя выведенную белыми буквами на чёрном картоне надпись на английском:

«Встретить тебя было предначертано судьбой, подружиться — моим выбором, а влюбиться — чистой случайностью».

Прочитав признание, он уставился на Линь Цзунцзе как на законченного идиота.

— Ну-ка, ну-ка, что там? — Сун Чэн, который не видел, как Цзунцзе прятал подарок, так и сгорал от любопытства. Теряя всякий страх за свою шкуру, он выхватил коробку из рук Хань Линя и, запинаясь, продублировал английскую фразу вслух.

Так и не догадавшись, чьих это рук дело, Сун Чэн ошарашенно уставился на учебного старосту:

— Обалдеть! Учебный староста, тебе кто-то в любви признаётся!

Сам Линь Цзунцзе не имел ни малейшего представления, что там написано. Продавщица в магазине, упаковывая подарок, долго что-то щебетала ему, но он благополучно пропустил всё мимо ушей. Движимый любопытством, он вытянул шею:

— И что это значит?

Именно этот искренний вопрос окончательно усыпил бдительность Сун Чэна. Ну не может же человек не знать, что написано на собственном подарке!

— Президент, тут написано: «Встретить тебя было предначертано судьбой...»

— Тебя вообще кто спрашивал? — раздражённо оборвал его Линь Цзунцзе. Он вырвал коробку из рук Сун Чэна, впихнул её обратно Хань Линю и требовательно повторил: — Так о чём речь?

Хань Линь лишь молча смерил его холодным взглядом.

— Я к тебе обращаюсь.

— Без понятия, — Хань Линь отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

— Президент, давайте я вам переведу! — Сун Чэн, у которого обычно радар опасности работал безупречно, сейчас проявил чудеса непроходимой тупости и снова потянулся к коробке на парте учебного старосты.

Цзунцзе наградил его таким убийственным взглядом, что бедняга мгновенно убрал руки и вжал голову в плечи, утыкаясь в учебник.

— Пф-ф. — Заметив, что Хань Линь не швырнул подарок обратно, а просто оставил лежать на краю парты, Линь Цзунцзе решил поубавить пыл.

В конце концов, сейчас шёл урок. Лучше выяснить всё вечером после школы, иначе он точно сорвётся и опять устроит с этим упрямым бурную сцену на глазах у всех.

Сказалось отсутствие дневного сна — Линь Цзунцзе чертовски хотелось спать. На десятом слове словарного диктанта его веки окончательно отяжелели, и он, уткнувшись лицом в скрещенные руки, мирно заснул прямо на парте.

Хань Линь несколько раз оглядывался на него. Убедившись, что парень крепко спит и не шевелится, он осторожно вытащил коробку и принялся внимательно её рассматривать.

— Кто тут Хань Линь?

Резкий, разлетевшийся по классу голос заставил Хань Линя вздрогнуть. Сжимая в ладони подарочную коробку, он рефлекторно поднялся со своего места.

Учительская кафедра была заблокирована четырьмя неизвестными. На них не было школьной формы, а их помятые, угрюмые лица красноречиво говорили о принадлежности к уличной шпане. Первая средняя школа всегда славилась строгой охраной на входе — как эти сомнительные типы вообще умудрились просочиться внутрь?

Даже Хань Линю, бесконечно далекому от уличных разборок, стало ясно: эти визитёры пришли явно не с миром.

«Но когда я успел кому-то дорогу перейти?»

Весь девятый класс оцепенел. Кто-то замер с ручкой над тетрадью, кто-то так и остался держать раскрытый учебник. Все молча пялились на незваных гостей, гадая, что за цирк здесь намечается.

— Это я.

Почти одновременно с ответом раздался глухой стук. Хань Линь резко обернулся к источнику

звука.

Линь Цзунцзе едва разлепил глаза. Сонный дурман ещё не выветрился, но он среагировал на угрозу. Одним движением он пнул парту вперёд, освобождая место, и закинул на неё ногу. Всклопоченный, со сползшими до локтей рукавами, он скрестил руки на груди и лениво, с едва заметной хищной усмешкой, оглядел незваных гостей.

И хотя на нём была обычная школьная форма, аура опасности, исходившая от него, мгновенно заполнила класс.

Парни у доски выглядели как классические уличные попрошайки, промышляющие мелким вымогательством и не способные ни на какую созидательную работу. Но даже в этой среде существовала своя иерархия. И Линь Цзунцзе, пускай и старался в последнее время вести себя тише воды ниже травы, в драке мгновенно превращался в безжалостного зверя.

С самого первого дня в школе все эти школьные банды, физкультурники и негласные лидеры при встрече с ним послушно склоняли головы и бормотали: «Брат». Те, кто поближе, уважительно звали его «брат Цзунцзе», а особо доверенные лица — «Президент». Его авторитет в этих кругах был непререкаем.

Хань Линь так и застыл у парты, намертво вцепившись в подарочную коробку. Он заворожённо смотрел на сонного, взлохмаченного и оттого казавшегося странно brutальным Линь Цзунцзе, совершенно позабыв о собственной безопасности.

Вожак шайки направился прямо к парте Цзунцзе. Тот неторопливо убрал ногу с парты, сунул руки в карманы брюк и поднялся во весь рост.

Он был настолько внушителен, что гопники мгновенно попятились. Цзунцзе склонил голову набок и процедил:

— Ты ещё кто такой?

— Кто я? — гопник презрительно фыркнул. Ростом он не вышел, поэтому ему пришлось задрать голову. Он нагло ухмыльнулся: — Слышь, паря, выглядишь вроде прилично, а поступаешь не по-пацански. Гнильцой от тебя несёт.

— Неужели? — Линь Цзунцзе приподнял бровь.

Главарь с силой хлопнул по столешнице, заставив подпрыгнуть учебники. Подавшись вперёд, он прошипел:

— Чужих девок уводить — нехорошая привычка. Ты парень вроде не глупый, должен понимать. Как решать вопрос будем, а?

«Увёл чужую девушку?»

Линь Цзунцзе опешил. Он резко повернул голову и уставился на Хань Линя.

Хань Линь, не расслышавший шёпота бандита, недоуменно нахмурился. Впрочем, природная практичность не изменила ему и сейчас: улучив момент, он быстро спрятал подарочный футляр глубоко под парту, чтобы Линь Цзунцзе не заметил его излишнего интереса к подарку.

— Ладно-ладно, пошли на улицу. Там и побеседуем, — поморщился Линь Цзунцзе.

Оперевшись ладонью о край стола, он легко перемахнул через парту и направился к выходу. На пороге он на секунду замер, словно вспомнив о чём-то важном, обернулся и кивком указал Сун Чэну на Хань Линя.

Тот понятливо прищурился и закивал головой.

— Погоди... — Хань Линь опомнился лишь тогда, когда дверь за ними захлопнулась. Они ведь искали его! Каким образом Линь Цзунцзе умудрился увести их за собой буквально в два счёта? И пускай Хань Линь никогда не участвовал в уличных потасовках, даже дураку было ясно: эти типы пришли драться. Как этот идиот собирается отбиваться от четверых в одиночку? Разборки на территории школы — это серьёзное нарушение.

Хань Линь рванул к выходу, но на его пути выросла непреодолимая преграда в лице Сун Чэна. Послушный приказу своего Президента, тот намертво вцепился в рукав старосты и преданно заглянул ему в глаза:

— Учебный староста, лучше сиди тихо. В дела Президента соваться не стоит, ты тут ничем не сможешь.

— Но они же за мной пришли!

— Секунду назад они искали тебя, а теперь их проблемы — это забота нашего Президента. У тебя вон контрольная не дописана, — Сун Чэн бесцеремонно вложил шариковую ручку обратно в пальцы Хань Линя. — Пиши давай. Пока Президент не вернётся, я тебя из класса не выпущу.

Хань Линь по-прежнему порывался встать.

— Учебный староста, послушай, — прошептал Сун Чэн. — Ты просто не видел нашего Президента в деле. Его кулаки — это оружие. Те четверо задохликов для него — лёгкая разминка. Если ты пойдёшь туда, только мешать будешь. Пусть сам разбирается. Он сейчас спокойный стал, лишнего себе не позволит. Ну, перетрут за жизнь, да и разойдутся. Не переживай.

Хань Линю ничего не оставалось, кроме как подчиниться и сесть обратно.

Если подумать о силе Линь Цзунцзе... Хотя они ни разу не дрались всерьёз, за последние дни этот наглец столько раз прижимал его к стене, хватал в охапку и швырял на стул с лёгкостью, что сомневаться в его бойцовских качествах не приходилось. Он явно умел постоять за себя.

Но одно дело — знать, а другое — не беспокоиться. Обычно во время уроков Хань Линь всегда выключал мобильный, но сейчас он украдкой вытащил его из кармана и открыл список контактов. Несколько раз набрав и стерев текст сообщения, он в итоге отправил короткую весточку:

«Куда ты делся?»

В это время в переулке за школьной стеной главарь банды уже висел на заборе, прижатый мощным предплечьем Линь Цзунцзе. Трое его подельников валялись в пыли, придавленные Хэ Линьчуанем и остальными олимпийскими фува. Эти верные «олимпийские фува», обычно пропадавшие в интернет-кафе, примчались по первому же сигналу своего Президента меньше чем за десять минут.

Глядя на эту живописную картину, Линь Цзунцзе впервые в жизни осознал глубокий смысл поговорки про армию, которую кормят годами ради одного решающего сражения.

— А теперь выкладывай, — процедил Линь Цзунцзе, сильнее надавливая на горло бритоголового. — О какой девчонке шла речь? Кто она такая и какое отношение имеет к Хань Линю?

— Братуха... — жалобно заскулил тот, глотая слезы и сопли. — Так ты разве не Хань Линь? Ты чё, увёл бабу и даже имени её не помнишь?!

— Какую, к чёрту, бабу?! Я тебе сейчас башку оторву! — вскипел Линь Цзунцзе, сжимая кулаки.

Юань Юань, лениво сидевший на бетонном бордюре клумбы с незажжённой сигаретой в зубах, ухмыльнулся:

— Слышь, клоун, давай без лишнего трёпа. У нашего брата Цзунцзе с терпением туго. И разуй глаза: неужели эта бандитская рожа перед тобой похожа на лучшего ученика Провинциальной ключевой школы?